

◆ На рассвете четвертого дня, как это пишется в романах, небо на западе просветлело, а на востоке сквозь округлившиеся тучи выглянуло красное, как мужик наутро после перепоя, усталое солнце. Море сникло, волны спали, пароход медленно потащило по атлантическому течению. К концу дня они увидели землю. После десятка выстрелов из ракетницы боцмана из видневшегося порта навстречу им выбежали патрульный катер и буксир. Виктор Ильич в это время находился, как ему было и положено, в баре и только тогда узнал о счастливом избавлении, когда почувствовал толчок борта судна о пристань. Он вышел, прихватив из каюты задремавшую после трехдневной бессонницы Леночку, и узнал, что попали они в страну Пивных Людей или, как они себя пышно называли, — Пеннорадостная Страна Восходящего Хмеля. Как только потрепанный бурей пароходик отдал швартовы, измученные пассажиры бросились к сходному трапу, но не тут-то было. Поднявшиеся на борт чиновники в мундирах пивного цвета и пробковых шлемах в форме перевернутых кружек построили их в одну шеренгу и настоятельно порекомендовали немедленно изучить гимн государства на языке оригинала; вот он:

*«Эхли юртлары-туймазы бедюген,
Иш-шла! Ит-утла, фебрюген.
Рецедур талмарды эх-ушлат,
Триас боре униз вэ зегерплатт...»*

И так далее. Позднее Виктор Ильич узнал перевод слов гимна на европейский:

*«Есть в океане остров единенный,
И никогда не ступит враг презренный
В священные пределы той земли,
Где счастье деды наши обрели.
Припев:*

*Здесь найден идеал свободы,
Нигде так не живут народы,
Как в пивопенистой стране,
Где люди вольны, как нигде.*

*Мы любим нашу землю
Во хмелю и в ячмене,
И бдительность не дремлет,
А истина-то в пиве, не в вине!
Бесконечны просторы ячменного поля.*

* Главы из романа «Историк и его История»; полный текст см. на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

*В пиве счастье, свобода и воля,
Дисциплина у всех на уме,
Не спаслись врагам и на Луне»*

Прекрасный гимн и, как позднее же убедился Виктор Ильич, вполне соответствует положению дел в Государстве Восходящего Хмеля.

◆ После того, как пассажиры достаточно слаженно пропели гимн, их шеренгу командой в рупор развернули в колонну по одному и свели по сходням на пристань, погрузили в крытые брезентом машины и везли, как котов в мешке, часа три; потом только выяснилось — в центр островного государства.

По прибытии куда надо, их выгрузили на окраине города прямо у входа в отель и развели по номерам. Поскольку Виктор Ильич представил Леночку портье в качестве супруги, то их отвели вместе в маленький номерок, что покорило попривыкшие к роскоши души. Однако делать было нечего. Приказав носильщику свалить в свободный угол парижское шумье, закусив взятыми в дорогу (на судне было не до этого: Леночку рвало, а Виктор Ильич насыщал организм винными калориями) паштетом, копченым лососем и телятиной в вакуумной упаковке, запив холодный обед «Клико», усталые и измученные бурей (и баром), они по-детски заснули на отдельных монастырских кроватках, от телесного утомления даже не помышляя о греховном. Однако по усвоенной в городе Париже милой привычке Леночка машинально проглотила пилюлю, после чего разделась и, помолясь Непорочной Деве, тотчас заснула. Виктору Ильичу всю ночь снилось продолжение начатого на пароходке коктейль-пари с боцманом. Он ворочался на непривычно жесткой и узкой кровати, во сне трансформировавшейся в неудобный узкий стульчик корабельного бара. Леночке тоже снилось невеселое, как будто таможня Государства Восходящего Хмеля конфисковала у них все парижские обеды.

Уже к утру раздосадованный Виктор Ильич догадался расстелить на полу, между кроватями, пушистый ковер — настоящую смирну из парижских гостинцев. На него же стащил с кровати сонную спутницу жизни и путешествий, закрылся тремя норковыми манто и только после этого им обоим и наяву, и в дреме стали сниться обычные прекраснотушные сны людей с отягощенными карманами и ничем не обремененной совестью.

Надо заметить, что за дни парижской жизни Виктор Ильич посолднел телом, исчезла некая, от детских лет привязавшаяся костлявая инфантильность, а Леночка — та и вовсе пышно, но пропорционально округлила свои формы. Но это — все парижские отзвуки; сейчас же это к стране Пивных людей отношения не имеет.

◆ Утро брезжит. Оставим часа на два досыпать и миловаться наших любовников-путешественников, а пока вкратце расскажем историю Государства Восходящего Хмеля, благо не то что история, но само существование его доселе не было замечено цивилизованным миром. Равно, как и нецивилизованным.

Происхождение Государства Восходящего Хмеля, или на языке этой страны — Карримардак, как это ни удивительно, но... космическое. Дедовская их цивилизация существовала и пышно цвела на одной из планет в системе звезды — белого карлика 6-го класса в созвездии Ориона. Цивилизация прошла за десятки тысячелетий путь от неграмотных людоедов до покорителей околопланетного пространства. Жить бы им и радоваться в этом околоорионском пространстве, да идеология (как всегда и везде) подвела. Случилось, что обычные войны из-за жратвы и земельных угодий, урановых рудников и нефтеносных пустынь понемногу переросли в идеологические битвы, как известно, самые туманные по целям, надуманные, самые жестокие, человеконенавистнические и смертоносные. Но, увы! Не в силах людей было противостоять за

сотни лет до этого открытому закону необходимости противоположности для успешного развития цивилизации, хотя бы эта самая противоположность и была столь же надуманной, как и идеология. Ибо когда все сыты, то реальных противоположностей уже нет, приходится во имя исполнения общемирового закона их изобретать.

В конце концов, получилось так, что все государства планеты распределились по двум блокам, идеологии которых были искусственно объявлены противоборствующими. Поскольку к тому времени были накоплены огромные запасы военного снаряжения, то эти блоки автоматически превратились в военные лагеря. Развернулись кампании по обострению отношений, забряцали оружием обе стороны; одна готовилась выступить под лозунгом идеи о всеобщей грамотности (хотя даже человекообразные обезьяны на этой планете умели читать правительственные газеты); вторая же сторона — под девизом свободы покроя одежды, хотя и за сто лет до этого никому не возбранялось ходить хоть голым. Заметим, что и на нашей планете в давние времена случались подобные противостояния, где, например, противоборствовали идеи цветов роз, а один английский писатель-юморист обобщил все эти случаи в историю идеологии о зачистке вареных яиц...

Однако слова повлекли за собою и дела. Вся экономика перестроилась на выпуск военного снаряжения: строились новые ракетноносцы, ядерные базы, форсировано разрабатывались все новые образцы сверхнового и сверхточного оружия. Для поднятия боевого духа нации примерами из истории, воинские части, корабли, типы ракет назывались именами мифологических героев, полководцев древности и прошлых веков, королей и замечательных личностей всех времен, но — своих народов. Вся планета жила под страхом не сегодняшнего, так завтрашнего уничтожения; мир повис на волоске.

А между тем в обоих блоках было немало людей, глубоко плюющих на свободу покроя одежды и всеобщую грамотность. Эти люди по утрам собирались у пивных ларьков, киосков, палаток, бочек цистерн, в приличных — с официантами и подачей закусок — барах, в буфетах общедоступных столовых. Они пили ячменный напиток кружку за кружкой, говорили со всевозрастающим увлечением о достоинствах различных сортов пива, о женщинах, евреях (понятно, что евреи имеются на всех обитаемых планетах Вселенной), поили пивом бродячих собак, цыганят (цыгане — также неотъемлемый атрибут гоминизированной жизни на любых планетах) и собственных детей, которых навязывали им жены на прогулку, ручных ужей, кошек. Также радушно угощали народным напитком бесфамильных бродяг и дебелих баб-алкоголичек. И плевать им было на всю высокую политику и идеологию, лишь бы пиво водой не разбавляли, цены на него не повышали, споласкивали кружки и не задерживали с подвозом к точкам общепита. Единственно, в чем они твердо стояли на патриотических, даже националистических позициях — это на признании полного превосходства отечественного пива над любым импортным иностранным. Так они жили, разобщенные территориально и государственно, но единые во мнении, духе и речах. Это были глубоко спокойные и мирные люди.

◆ До поры, до времени их нехитрые и непритязательные потребности исполнялись; пиво, хотя и не строго по расписанию, но завозили; таранку и сушеных лещей можно было купить у перекупщиков на базарах; кружки мыть воды хватало. А тут как пропало, и несчастья из черного рога изобилия посыпались на бедных любителей пива. Когда со стапелей одна за другой стали соскакивать атомные подлодки водоизмещением 20000 тонн с именами мифологических героев и богов, то в обоих лагерях были спешно проведены реформы, большие и малые, но задевающие покой пивных пивцов. Перестали мыть кружки, объявив воду национальным резервом на случай тотальной войны. Базары ликвидировали, — пропали таранка и лещи; над пивными очередями с утра до ночи с ревом летали на бреющем сверхзвуковые истребители,

заглушая голоса беседующих и сдувая пену из кружек вместе с изрядной толикой пива.

Чем дальше, тем становилось хуже; людей стали брать прямо из пивных очередей, затаскивать на организованные митинги протеста против агрессивной политики другого блока, отправлять на двухмесячные военные сборы и пр. и пр. неприятности чинить. Грянул и последний удар грома: буфетчиц забрали судомойками в офицерские столовые, а распределение пива среди активистов и ударников-стахановцев (на той планете, естественно, были и свои Стахановы, кузнец Бусыгин и сестры Виноградовы) оборонной работы передали в ведение комитетов по стимулированию трудового энтузиазма. Все пошло прахом.

А тем временем на флангах противостоящих лагерей вспыхивали то и дело предупредительные конфликты между марионеточными республиками и княжествами; было ясно, что со дня на день посыпятся бомбы и на наших, и на ваших...

Вот тогда-то измученные, выбитые из колеи обыденной жизни любители пива, не сговариваясь, каждые в своей стране, обратились к правительствам с пацифистскими увещеваниями. Понятно, что шло это вразрез с приготовлениями, на которых наживались многомиллиардные состояния и на которые были уже потрачены доходы планеты за двадцать последних лет. Соответственно такому *status quo*, в каждом государстве быстренько, в рабочем порядке, как говорится, были проведены кампании народного возмущения отщепенцами и алкоголиками. По требованию организованного народа отщепенцы были высланы за пределы планеты на морально устаревших и списанных космических кораблях.

Всего было выслано шесть тысяч восемьсот тридцать один недовольный; за многими (но не за всеми!) последовали их жены с детьми, итого было изгоев обоего пола 12302 человека. Международная Организация Всеобщего Мира, исходя из гуманных соображений, милостливо указала им на планету, где, по их данным, наблюдались схожие биологические условия жизни. Этой планетой оказалась Земля.

После восьми лет странствий отщепенцы достигли пределов этой небольшой голубой (в физическом, конечно, толковании этого слова) планеты и высадились на изолированном водами от материковой суши большом острове. Сразу же, хорошо помня о благах всеобщей цивилизации, отгородились от аборигенов планеты, повесив над островом и примыкающей двухсотмильной зоной океана оптически- и электромагнитно-непроходимый занавес. Так началась для них жизнь на новом месте, а для землян, на радость писателям-фантастам, появились загадки Атлантиды и Бермудского треугольника.

◆...Они затем отгородились наглухо, чтобы жить мирно и покойно, никого не задевая, и чтобы их самих оставили в покое от хлопотных дел и свершений молодой цивилизации, как-то: войны, чума, демагогия о мире и общечеловеческих ценностях. Все же до конца отгородиться от внешнего мира им не удалось, ведь занавес-то их не препятствовал «механическому» проникновению в зону острова людей с небольших судов, унесенных бурями и потерявших управление и ориентацию. Отсюда и смутные догадки о существовавшем ранее материке посредине Атлантики.

Однако самолеты, суда с навигационным оборудованием, даже атомные подводные лодки облетали и обходили зону острова стороной: завеса воздействовала соответствующим образом на компасы, радары и другое сложное оборудование. Не было никакой античной Атлантиды, но была, есть и будет страна пивных людей Карримардак, успешно прошедшая исторический путь — увы обычный! — от секты до сектантского государства тоталитарного, как сейчас говорят, типа.

Поначалу новоселы вели жизнь, подобную существовавшей на заре цивилизации в свободных греческих полисах: селились, где хотели, и занимались, чем желали. Первым же делом была составлена подробная географическая карта острова, на которую

наложили геодезическую сетку с шагом 300 метров, а в узлах этой сетки с привязкой к местности были устроены пивные ларьки, киоски, павильоны, бары, — смотря по тому, в какое планируемое по генплану застройки муниципальное образование попадал конкретный узел геодезической сетки. Поля были обработаны вахтовым методом (это как у нас из НИИ и КБ в колхоз посылали) и засеяны лучшими сортами привезенных с собой ячменя и хмеля. Должности буфетчиц были строго выборными и подконтрольными сессиям народных окружных форумов. Учреждена была и государственная религия с культом Священной Матери Буфетчицы. Недолив пива после отстоя карался каторжными работами, а при рецидиве — смертной казнью утоплением в барде. В прибрежных водах ловилась в изобилии крупная тарань с икрой — дары Атлантики, из которой на номерных госрыбзаводах выделяли первосортные копчущки и бесподобную воблу. В заводах островных рек культивировали породу особо клешнястых раков. Постепенно поселенцы раскушали и не знаемые на их родной планете дары земного океана: крабов, омаров, лангустов, креветок. Народ пил из поколения в поколение прекрасного качества карримардакское пиво, плодился и, не зная о Мичурине, следовал его заветам и покорял некогда чуждую им природу второй родины.

История? — Читай и смейся, читай и плачь! Все повторяется в ней: героическое и трагифарс. Так и наш Карримардак; его жители-нонконформисты думали, улетаая на чужую планету, обрести высокую свободу и душевный покой, а сами невольны, как будто кто их подталкивал, как по нотам разыграли обычную комедию цивилизации. Впрочем, достаточно рассказов по истории Карримардака; далее идет уже современность, каковой ее увидели наши герои, случайно занесенные хрестоматийной бурей через прохудившийся участок защитного покрова государства, которым отгородились от нового, чуждого им мира осторожные и наученные (но отнюдь не переученные!) горьким опытом пивные люди.

♦ После перенесенных тягот бури и неопределенности, скученности корабельного быта они проспали, как дети, не шелохнувшись, до позднего утра. И спали бы до полудня. Но были грубо разбудены громкой духовой музыкой под самыми окнами. Это государственный военный оркестр № 31 имени Имбирного Пива исполнял торжественную литанию «Пейте пиво спозаранку!»

Не успели Виктор Ильич и Леночка закончить утренний туалет, как в дверь вежливо стукнули. На Леночкино: «Да, да, войдите» — в проеме раскрывшейся двери объявился пришедший с визитом чиновник в пивной униформе. Поздравив с прибытием в Государство Восходящего Хмеля и извинившись за раннее вторжение, — служба, *pardon!* — попросил ответить на шестьдесят четыре вопроса анкеты. Присев на стульчик, чиновник застрочил вопросы-ответы на синих бланках опросных листов.

Виктор Ильич и Леночка, сначала недоумевая, порой смущаясь, попривыкнув, даже веселясь, отвечали вежливому чиновнику на всевозможные вопросы: фамилия, имя, отчество, рождение-происхождение, титул, оспопрививание, знание языков, имя троюродной бабки, степень половой близости и состоят ли в законном браке... но более половины вопросов относились к специфике государства Карримардак: какое пиво предпочитаете — светлое, темное, портер, легкое, имбирное, горькое, с кардамоном, холодное, теплое, пенное, ячменное, кукурузное, просяное, рисовое; регулярно ли исповедуетесь у священнослужителей Матери Буфетчицы? Как предпочитаете обычно пить пиво: стоя у бочки, стоя под навесом за высоким столиком, сидя на стуле или кресле, в баре, лежа дома на диване? Из чего пить предпочитаете: из бутылки (из горла то есть), из кружки или стакана, нет ли преступной склонности доливать в пиво крепкий самогон, соблюдаете ли двойное золотое правило пивных людей: «вино на пиво — это диво, пиво на вино — г...!»? Пьете пиво утром, днем до полудня, после полудня, вечером, ночью встаете? Чем предпочитаете закусывать: устрицами,

раками, креветками, кальмарами в собственном соку, копчеными угрями, миногами, солеными сигадами, сушеным снетком, таранкой, вяленым лещом, семгой, осетровым балыком, пирожками с осетровой же вязигой, бутербродами с красной икрой, соленой кумжей, отварной зубаткой, селедкой или сардинамипряного посола, килькой балтийской, шпротами, соленым сыром, рокфором, пресным сыром, овечьим или козьим сыром, зеленым армянским «сыром-лапшой», швейцарским, плавлеными сырками с тмином, мягкими молочными, крилевыми, запеченными окорочками, обмазанными креветочным маслом, маслинами, вялеными фидами, сырокопченными окороками или колбасой, колбасой языковой, салями, сервелатом, докторской, ветчиной, корейкой, вареной грудинкой, бужениной, бутербродами с рыбной пастой, солеными фисташками и арахисом, салатом из морской капусты, сушеными акульми плавниками, зеленым горошком, бубликами, баранками, солеными сушками, сушками тминными, сухариками, гренками с маслом, зеленью, запеченной луковичей, мясом с чесночной подливкой, вяленым крабовым мясом, вареными свиными хвостиками, яйцами под майонезом, просто яйцом, начиненным кусочками маринованной сельди, сардельками, сосисками с кислой капустой, заливными куропатками, фаршированной щукой, форшмаком по-еврейски, тортю по-швейцарски, пашотом, паштетом печеночным, селедочным, мясным, шпротным, солеными яблоками или сливами, шашлыком, рыбной запеканкой, солеными галетами, копченым салом помалороссийски, салом крутосоленым, беконом прибалтийским, варено-копченой пуляркой, колбасными обрезками, ассорти из копченостей, поросенком с гречневой кашей и хреном, просто хреном, картофелем фри, хрустящим картофелем, солеными хлебными палочками, томатным соком, помидорами, пирожками с печенкой, рыбой ассорти, мясом тушеным, требухой, вареным холодным выменем, треской вяленой, филе из голубей, сушеными рыбьими головами и пр. и пр.

Под конец опроса у Виктора Ильича затрещал от жары высохший язык, — спасти его мог только стакан пива. Леночка едва не упала в обморок, услышав, сколько закусок к пиву существует, ибо в родном своем городе *T.* она пиво не пила; в той местности женщины вообще не пили пиво (кроме редких алкоголичек и опустившихся гулящих девок и баб) и старались огибать, обходить пивные ларьки, около которых томились в многочасовых очередях грубые, злые пьяные мужчины, непрерывно матерящиеся, курящие вонючую «Приму» и «Памир», порой дерущиеся из-за порядка в очереди, бьющие друг друга по головам трехлитровыми стеклянными банками, — но что удивительно — головы были как чугунные: банка — в брызги, а голова — хоть бы что! Также часто наблюдала она, проходя мимо: дождавшись своей очереди, пивной мужик брал три литра в банку, если только он не расколот ее о голову соседа, и еще семь невымытых кружек в пене — и пил до отупения, сидя прямо на голой земле, доливая в кружку водку или самогон, а то и просто запивая яблочным вином «червивкой». А если они и закусывали пиво, то только куском расползшейся от жары соленой скумбрии или бутербродом с мокрой «докторской» колбасой, крутыми яйцами и — великое счастье — обглоданным хвостом таранки, презентованным соседом по очереди (если, конечно, они друг друга банками по голове не лупили), только приехавшим из служебной командировки в Астрахань.

А тут такое изобилие? Было от чего закружиться голове...

♦ Проставив заключительные «да-нет» в последней (Леночкиной) анкете, совершенно удовлетворенный чиновник раскланялся и вышел, разминувшись на пороге со следующим красавцем в пивном мундире. Тот сходу сообщил Леночке замысловатый комплимент, одобрил вкус Виктора Ильича, преподнесшего чиновнику манильскую сигару, и легко перешел к изложению сути своего визита. Дело в том-де, что народ Карримардака един и сплочен; это находит свое отражение в искусстве, литературе, танцах... Короче, чтобы уважаемые гости были готовы по выходу из отеля естественно вписаться в радостный мир пивной страны, они должны изучить вместе с ним по-

пулярнейшие карримардакские песни и танцы. Это очень понравилось Леночке — обладательнице легкого и приятного контральто. Виктор Ильич также снисходительно отдался обучению азам местной масс-культуры: в чужой монастырь со своим уставом не ходят!

Заручившись добровольным согласием, ласковый массовик-затейник вынул из кармана мундира губную гармошку и заиграл очень искусно мелодии, предварительно выложив перед кораблекрушенцами листы пергаментной бумаги с текстами народных песен на карримардакском языке, но пропечатанные в транскрипции латинскими буквицами.

Песни имели бодрые и веселые ритмы, явно подстроенные под хоровое исполнение, — вершину коллективного искусства, — как пояснил чиновник-затейник. Все они начинались энергичными возгласами: «Хэ тарглы! Эш-ла-бирлеги! Мап-аг-ры турманды!» и пр. Как перевел на европейский чиновник заинтересовавшемуся Виктору Ильичу, — это обычные лозунги бодрых песен Пивного государства: «Эх, ухнем! Все грянем! Все вместе споем!» и пр.

После того, как они уже втроем (чиновник заменил гармошечку на магнитофонную «фанеру») довольно слаженно пропели песенный минимум, затейный чиновник показал *in vivo* основные па национальных танцевальных движений карримардакских хороводов и через полчаса покинул их, совершенно очаровав любезностью и слегка утомив кипучей энергией; на прощанье подарил им песенник и большой альбом «Ритуальные танцы Карримардака».

Далее чиновники пошли непрерывной чередой: был идеолог, довольно-таки настойчиво внушавший, что карримардакское пиво — самое свободное в продаже и распространении, самое демократичное, дешевое и лучшее в мире.

— Попрошу вас твердо это запомнить! — почти пригрозил он на прощанье.

Был чиновник из отдела политического устройства Пивного государства; он пояснил основы конституционного строя Карримардака, построенного на принципах равенства граждан перед производством, распределением и потреблением пива. Далее их посетил священник государственной религии-культы Священной Матери Буфетчицы, сходу попробовавший окрестить своих клиентов в походном пивном чане. Однако Виктор Ильич боялся простуды, а Леночка испугалась, конечно, не того, что придется раздеваться перед незнакомым мужчиной, но пивного запаха кожи, который ни задушишь никакими парижскими духами... Поэтому слегка разочарованный служитель культа ограничился тем, что оставил в номере пивную Библию — свод историй о возникновении культа Матери Буфетчицы и ее трех мучениях: искуплении недолива, греха разбавления водой водопроводной и страстей гневной очереди.

Посетили нашу парочку и интеллектуалы: историк, географ, юрист, поэт и другие. Особенно запомнился визит сексопатолога — живы и свежи в памяти дни и ночи Парижа! Человек веселой профессии объяснил основные принципы интимной жизни трудящихся Пивной страны. Брак обязателен по достижению двадцатилетнего возраста и обязан быть счастливым. Последнее достигалось равноправием обоих полов перед потреблением пива. Половые сношения производятся по пятницам, в конце трудовой недели, с 23.20 до 00.15 следующих суток. Перед сношением оба супруга выпивают по литру портера. Внебрачная (и добрачная!) половая жизнь приравнивается к государственной измене и наказывается кастрацией мужчин и стерилизацией женщин. Впрочем, по желанию клиентов, эти мягкие меры могли быть заменены более суровыми: запрещением пить пиво. Редко кто шел на это.

♦ Много еще чего интересного рассказал сексологический чиновник-врач, но его заменил последний гость; в отличие от предыдущих, был он одет не в пивной мундир, а в партикулярное платье: кремовый плащ, шляпу, на носу имел дымчатые очки. Одно плечо гостя висело ниже другого — явно от постоянного ношения под мышкой

пистолета, как догадался после окончания беседы Виктор Ильич. Это был сотрудник карримардакских органов... ну, тех самых, не половых конечно же. Он даже напугал путешественников, объясняя сурово-ласковым отеческим голосом, как следует себя вести в карримардакском государстве: чтить пиво, хвалить его, елико возможно, одобрять его непревзойденные качества, не высказывать пренебрежения к закускам, не предпочитать импортное пиво и закуску, чтить культ Священной Матери Буфетчицы, не нарушать порядка в пивных очередях и пр. Всего 87 пунктов предупреждения. В заключение гость в штатском взял с Виктора Ильича и Леночки расписку в ознакомлении с чем положено и в том, что после (нежелательного) выезда из Карримардака они в течение 25 лет не должны пить некарримардакское пиво, то есть, исходя из реалий, вообще его не пить. Подразумевалось и пожизненное молчание о существовании Пивного государства.

— Мы живем в отъединении от земной цивилизации, но наши люди есть везде и руки у нас *длинные*, — со смыслом произнес, отбирая расписки, штатский гость.

После ухода тревожного гостя других посетителей не наблюдалось, благо уже наступила ночь. День от зари до темноты прошел в содержательных беседах. На ужин принесли манную кашу. Виктор Ильич приказал выбросить ее в унитаз, взамен же попросил — к своей, из города Парижа, закуске — знаменитого карримардакского пива. Заспанный слуга испуганно икнул и ушел без ответа, пожелав доброй ночи.

Ничего не понимающие путешественники поужинали из своих запасов и, следуя наставлениям последнего визитера, помолясь на ночь Матери Буфетчице, легли поживать. Хотя была явно не пятница, и литра портера они не выпили, тем не менее... Ну, Бог с ними. И мы поспим в узких девичьих постельках, а наутро встанем свежие, безгрешные и бодрые вместе с нашими героями.

◆ Забрезжило ласковое, пивное, карримардакское утро — утро социального оптимизма; так их приветствовал первый ранний гость, разумеется, одетый в пивной мундир. Был он прислан министерством пивных дел для инструктажа туристов поневоле в части питья пенистого напитка, то есть, как себя вести в священной пивной церемонии.

Гостиничный слуга вкатил столик со множеством бутылок, кружек и даже маленьким бочонком с краником. Макетирование церемонии велось, как оказалось, не натуральным пивом, а подкрашенной водой. Даже не сладкой. Когда нужно было вызвать пену (при изучении теории отстоя), то чиновник бросал в кружку щепоть соды и выливал из принесенной бутылочки несколько капель уксусной эссенции; вода начинала бурно пузыриться, делаясь подобием пенного напитка. Вот в кратком переложении суть рассказов, экспериментов и демонстраций раннего гостя, которую путешественникам следовало заучить и повторить с наглядными пособиями:

— Когда появляется желание выпить пива, либо человека побуждает к этому акту то или иное, обязательное к исполнению указание, равно как и в любом другом случае, клиент звонит в министерство пивных дел (телефон +ПИВО 222 407 — в столице и ++ПИВО 5 302 003 — в провинции), сообщает свой личный пивной номер, заменяющий в Карримардаке удостоверение личности или паспорт, свое местонахождение и желание выпить столько-то пива в каррималитрах (1 *к-литр* равен 0,737 нашего обычного литра). Телефонный автоприемник вводит данные в ЭВМ и через 0,25 секунды дает абоненту ответ: в какую пивточку следует отправиться, в какое время, а также номер очереди, сорт пива и закуски, положенные ему в соответствии с возрастом, трудовым стажем, соцпроисхождением, семейным положением, степенью благонамеренности, размером обуви и пр. Эти же данные по компьютерной телекоммуникационной сети одновременно сообщаются в указанный пивпункт.

Клиент, получив информацию, скоренько добирается до точки, которая может находиться и в противоположном конце государства, так что приходится по литере Мин-

пидела лететь сверхзвуковым аэробусом, сообщает секретарю буфетчицы свой шифр, она сличает с данными ЭВМ и выдает удостоверение на право занятия очереди. В очереди приходится стоять, сидеть или лежать — в зависимости от номера удостоверения. Иногда приходится жить в соседней гостинице до двух-трех дней, а то и неделю, ожидая своего часа. Время это оплачивается по среднему заработку по месту службы.

Но вот и очередь подошла. В этот день клиент, одетый в парадный мундир покроя «пивное наслаждение», подходит к двери буфета и отдает свой пропуск в очередь. Взамен ему выдается временный пропуск в буфет. Он проходит, садится за столик. Когда зал заполнится, то под руководством священника культа Матери Буфетчицы, окормляющего паству данного пивного округа, клиенты поют гимны, хоралы, восхваления пиву Карримардака — самому светлому (или самому темному), чистому и пенному в мире. После чего они отправляются отдыхать в гостиницу, а наутро идут по назначенному каждому отдельно, строго тайно указанного места выдачи пива. Обычно это пивные бочки, замаскированные под помойный ящик или телеграфный столб в чистом поле, труп сдохшей собаки, пустой бензиновый бак, а то и просто закопанная в землю на два метра вглубь бутылка с пивом. Откопав бутылку в один, два или три каррималитра и прикрепленный к ней бечевкой полиэтиленовый пакет с закуской, клиент накрывается с головой и ногами заранее припасенной светонепроницаемой накидкой, быстро пьет пиво и давится на ощупь отламываемыми кусками закуски. После чего он пишет отношение по форме *П-132бис* и вместе с пропуском в буфет, двадцатью четыремя фотографиями *9x12* см (в фас, анфас, профиль, сзади, в рост, одетый, обнаженный, в инфракрасном свете, в ультрафиолете, в рентгене и пр.) относит в местное управление Министерства пивной отчетности.

Получив контротношение Минпивотча, клиент с веселыми песнями пивной радости возвращается в свой родной город или село и плодотворно трудится, не уставая хвалить достоинства родного карримардакского пива. Образец такой песенки:

*«О-хэй, э-хэй, туймарды череншей!
Об-бялды ушукар, эл-малы чишикар!..»* И т.п.

*(«Ох, пивка попил на славу Матери Буфетчицы,
Пивом даже алкаши от запоя лечатся!..»)*

— Несмотря на кажущуюся игривость, — пояснил чиновник, — в словах этих песен заложен огромный социальный смысл!

◆ Чиновник этот оказался неистощимым на рассказы и припевки; он просидел, протанцевал, пропел у них в номере до поздней ночи. Как и накануне, помолясь Матери Буфетчице и поужинав парижскими запасами в вакуумной упаковке, они легли спать, так и не сумев уже за двое суток хоть на минуту выйти за пределы тесного гостиничного номера.

Но вознаграждены они были наутро третьего дня заточения. Едва забрезжил рассвет, как в дверь номера вежливо постучали и порекомендовали собираться в ознакомительную поездку по гостеприимной стране пивных людей.

Не надо описывать, с каким нетерпением наши путешественники собирались выпить, — замученные речами и восжигавшими жажду прославлениями — но, увы, пока почему-то остающимся чем-то ирреальным — карримардакского пива наши путешественники.

В холле радостно встречались и обнимались-целовались, особенно дамы, вновь собравшиеся все вместе пассажиры и команда занесенного богом и бурей в неведомую страну парохода. Уже по дороге к автобусам, ждавшим у подъезда, успели выяснить: в эти два дня всех кормили манной кашей и развлекали лекциями и проповедями с

танцами о чудесном стиве этой страны. Мужчины, глядя голодными волками, бешено облизывали пересохшие от издевательских речей губы и водили глазами по сторонам, надеясь узреть пивную бочку или ларек и успеть перехватить пару кружек до отправки автобуса. Увы! Пивных точек поблизости не наблюдалось.

На передних, повернутых к пассажирам креслах уселись гиды-чиновники в неизменных пивных мундирах. Автобусы тронулись, лекция-экскурсия началась. Дивные картины виделись в тот день истомленным бурей и лекциями путешественникам.

♦ Алело небо, задувал свежий рассветный ветерок. Автобусы неспешно ползли по чисто выметенным улицам города. В первые минуты езды они выглядели пустынно, но вот замелькали фигурки людей, потом группки, группы, шеренги, и вот уже автобусы робко прижались к тротуарам и остановились, пережидая; по улицам маршировали батальоны по триста человек — пятнадцать шеренг по двадцать человек, одетых в одинаковые рабочие спецовки. Изредка их перемежали батальоны в темно-коричневых пиджаках, синих рубашках и однотипных галстуках в мелкую полоску; все пиджачники имели лысины, независимо от возраста, и очки. Батальоны стекались, как понял Виктор Ильич, к центру города. Фланговые первой шеренги каждого батальона несли транспаранты. Как перевел гид-чиновник, то был лозунг дня: «Через пиво к радости и всеобщему благу!» Фланговые же задних шеренг и человек, находившийся в геометрическом центре батальона, несли развернутые фиолетовые стяги с изображением пивной кружки в обрамлении венка из мелких таранок. Обок батальонов, впереди и сзади шли дежурные с фиолетовыми же повязками и флажками в руках: сигнальщики строя и движения. Все батальоны слаженно пели гимн Восходящему пивному дню (в переводе):

*Ночь прошла и — слава Богу,
Поскорей бы за станок,
Пива вытьем много-много,
Подрастай скорей, сынок!*

Припев:

*Прекрасная страна святого пива!
Проглотишь собственный язык.
Не чудо разве иль не диво,
Что к пиву так народ привык?!*

*Нет предела радости и счастью
Потрудиться в пенистой стране;
Нет у нас стоящих в стороне
От декретов, данных властью.*

*Власть и пиво — крепкое единство
И основа — трудовой народ,
А не пить — прямое свинство.
Нет у нас ни бедных, ни сирот.*

*Счастье, счастье души заполняет,
Солнце-пиво радость льет.
Ткач мундиры людям ткет,
А буфетчик пиво разливает.*

Тихая радость засветилась на чиновных лицах экскурсоводов:

— Наши славные труженики, — с гордостью пояснил старший из них и сглотнул застрявший в горле комок подавленного волнения и, стыдясь собственных слезинок радости, умиротворения и довольства, полуотвернулся к окну, смахнув бесцветные капельки рукавом пивного мундира. Кое-кто из пассажиров сочувственно кивнул головой, но грубый боцман из команды парохода, с утра успевший хлебнуть из спасенных корабельных припасов, громко и бесстыдно расхохотался: такого он и в кино не видел, не говоря уже о Дувре, Гавре и родном городке Ле-Шантелье в Северной Нормандии.

Гид обиженно и печально посмотрел на грубияна и тихо, укоряюще промолвил: нельзя смеяться над искренностью трудового порыва; лучше помолимся все вместе всепрощающей Матери Буфетчице за дарование сегодняшнему дню успехов, большой трудовой производительности и хорошего, доброго карримардакского пива всем честным (— И нечестным! — гаркнул веселый боцман) труженникам нашего земного рая — Государства Восходящего Хмеля. Встав на колени, гид прочитал в микрофон уже всем известную молитву:

Пресвятая Мать Буфетчица!

К тебе возносим мы голос свой:

Не оставь милостью и пивом,

Даруй нам каждодневную утеху и радость,

Да преисполнится нам твоим благословением,

Да не иссохнет ячмень на наших полях,

Пиво в наших ларьках, желание пить у наших людей!

Священным почитанием,

Дозволенным потреблением пива,

Повышением качества его выработки,

Очищением своих душ посредством питья его,

Строгим подчинением всем поставленным над нами начальникам,

И всем другим, что угодно и желательно тебе слышать,

И видеть,

И обонять,

И осязать,

И чувствовать,

И внимать,

И ожидать,

И благословлять —

Всем этим благословим мы себя,

Пресвятая Мать Буфетчица,

Заступница наша,

Спасительница и надежда,

Аминь!

Виктор Ильич увлекся и чуть было не укололся при резком повороте автобуса, ибо во время молитвы он стриг себе ногти золочеными ножничками парижского маникюрного набора Леночки, которая сама задремала от мягкого качания езды, монотонного голоса гида, а главное — Виктор Ильич, отоспавшийся от корабельной бессонницы, любил ее этой ночью с утроенной энергией...

Автобус тем временем развернулся на площади перед большими воротами, обгнав передовой батальон, а гид предложил всем выйти:

— Экскурсия по заводу пивных этикеток, это — передовой гигант отечественной

индустрии,— с гордостью пояснил он.

♦ Театр начинается с вешалки, а завод — с проходной. Сколько лирико-раздумчивых песен слышал Виктор Ильич в детские и юные годы о тех заводских проходных?! Слезинка умиления выкатилась из угла левого глаза, когда он вступил в проходную завода пивных этикеток через наружную дверь.

— Это надо же,— думал он,— прожить половину жизни и ни разу не побывать на заводе, пройти через проходную... Отрывает нас гуманитарщина от истинно-здоровой жизни, от романтики проходных, уводит в беллетризованный, выхолощенный мир романов, поэзий разных, всяких там ренессансов...

Войдя в проходную, он поначалу ничего не разглядел: после низкого, бьющего в упор утреннего солнца, глаза с трудом различали в неярком электрическом свете стены; потом уже выступили потолок, люди. Боже, как испугался тогда Виктор Ильич, в панике подумавший было, что их обманом завезли в тюрьму! Впрочем, все экскурсанты-кораблекрушенцы перепугались попервоначалу, хотя если не все, то десяток-другой из них в разное время своей жизни бывали на фабриках и заводах, в основном — собственных, примерно знали тамошнюю обстановку.

Итак, вот какую песенную проходную заводскую увидели Виктор Ильич, Леночка и остальные шестьдесят три гостя поневоле страны Восходящего Хмеля. Она достойна особого описания.

Это была роскошно задуманная бальная двухсветная зала, но только с наглухо забронированным окнами обоих ярусов. Стены выложены мраморными плитками с розовыми и ультрамариновыми прожилками, тщательно отполированными и полаченными; в Европе такой мрамор берут в каменоломнях Каррары; здесь же, очевидно, пропасть его месторождений, раз им облицовывали все общественные службы...

Пол выложен мозаичным, сложного рисунка паркетом из мореного дуба. С лепного потолка — целиком лепного, не только карнизы! — в центре свисала хрустальная люстра; похожую Виктор Ильич видел в Большом театре, куда не раз студентом Архивного института ходил на балкон. По углам залы-проходной висели люстры поменьше, что у нас украшают областные драмтеатры дореволюционной и сталинской постройки, опять-таки хрустальные. На карнизах была устроена умелая подсветка потолочной периферии.

Но еще боле поражала меблировка проходной: залу перегораживала пополам — от одной боковой стены до другой — четырехметровая зубчатая крепостная стена с башенками-бойницами; их Виктор Ильич насчитал девять штук. Зубцы стены окутаны колючей проволокой по типу спирали Бруно.

В башенках, на верхних площадках стояли спаренные тяжелые пулеметы типа бельгийского «Кольта»; за пулеметами лежали в боевой позиции «товсь», пожирая глазам входную с улицы дверь, держа пальцы на спусковых крючках, вахтеры-охранники, одетые в верблюжьей шерсти черно-синие шинели, картузы с пивной эмблемой, штаны, чем-то отдаленно напоминающие изобретение генерала Галифэ, и в спущенные в гармошку — верх вахтерского шика! — сапоги. Кроме пулеметов, вооружены они были и личным оружием: саблей, винтовкой, ножом-тесаком, револьвером 35-го калибра и тройкой противотанковых гранат в связке. Так что и танк не смог бы безбоязненно проникнуть на территорию завода пивных этикеток. Очевидно, на всякий случай на девятой, главной башне, прямо под проходом в стене, находилась трехдюймовая пушка с лазерным прицелом. Вдоль стен на подпотолочной высоте летал кругами небольшой разведывательный вертолет с четверкой подвешенных ракет типа «воздух-земля».

На уровне человеческой головы из стен выпирали консоли-копья метровой длины, на которых была натянута колючая проволока под напряжением в 3000 вольт. В центре, под башней с трехдюймовкой, находились входные ворота, а также — люк диамет-

ром чуть побольше полуметра; это был конец трехметровой трубы, вышедшей в другую половину зала. Этим лазом люди, как пчелы в улей на вечерний сбор, проползали один за другим. Но перед люком еще следовало перепрыгнуть через основательный ров, на дне которого металась на короткой привязи два специально некормленных с утра нубийских льва.

Женщины засопротивлялись было лезть в лаз, но любопытство, этот порок-двигатель женского ума и тела, помог им справиться с неудобством входа на завод, благо в моде в тот сезон были юбки макси, да и основной контингент путешественниц был в молодом, не старше сорока пяти лет, возрасте, так что особо-то стесняться было не зачем. Дамы с ужимками и хихиканьем поползли одна за другой; мужики — кроме грубого и нахального боцмана — дипломатично отвернулись, курящие достали сигары и пачки «Мальборо». Потом вползли и они.

Виктор Ильич, проползая, успел осмотреть поверхность трубы и сообразил, что лезущих прощупывают рентгеном, магнитами и даже, как ему показалось, особыми мягкими щупальцами, выступающими вовнутрь трубы и снимающими импульсы биотоков; впоследствии догадка его подтвердилась.

Взмокший, с испариной, он выполз из трубы и поднялся, отряхиваясь, на ноги, изумляясь пуще прежнего.

♦ Вторая половина зала поражала своим изумрудного цвета мозаичным полом. Посредине стоял постамент, а на нем величественно возвышался начальник охраны, запахнутый в байроновский плащ все из того же темно-синего солдатского сукна, пахнущего револьверной смазкой. Плащ твердыми складками ниспадал на хромовые сапоги со шпорами. Голову венчала суконная треуголка с пивной кокардой. От лаза до постамента бежал и на постамент угловато изогнутой змеей вползал ковровый ход.

Гид объяснил, что каждый входящий работник ползет на коленях по ковру, взбирается на карачках на постамент и целует носок сапога начальника, после чего исповедуется в суточных грехах и с миром пропускается на завод. Зала была не пуста: в шахматном порядке, примерно по одному на пять квадратных метров, стояли по стойке «смирно» охранники, каждый держал на длинном древке плакат с лозунгом; гид перевел на европейский некоторые, наиболее передовые:

«Опоздаешь на пять минут — сядешь на пять лет!»

«Труд на пиво — это диво!»

«Пиво и труд все перетрут!»

«Ударим по пиву!»

«Завалим этикетками всех врагов!»

«Этикеточники! Не пиво красит этикетку, а этикетка пиво!»

И так далее. Но самое главное — все четыре стены, включая крепостную перегородку, были украшены единым мозаичным панно, изображавшим радость трудящихся-этикеточников, успешно совершенствующих свое родное производство. С правой и левой сторон, на уровне восьми метров от пола, были устроены лоджии, на которых задумчиво пели хоры. Тихие и мирные мелодии чередовались с бодрыми маршами, зовущими на трудовой бой, подвиг и бессмертье.

Гости засмотрелись на все это великолепие, так что gidу пришлось вежливо их поторопить — и все взволнованной гурьбой вышли через последнюю на их пути дверь чудесной проходной и попали напрямиком в гигантский цех раскроя. Работала еще третья, ночная смена, работала в последнем приступе энтузиазма. Огромные резательные машины вытягивали рулон за рулоном лощеный пергамент и штамповали из него заготовки будущих этикеток: округлые, полумесяцами с закругленными кончика-

ми, квадратные, пятиугольные (вроде нашего обрамления «Знака качества»), ромбические, овальные. Один некрупный французский банкир пробурчал что-то насчет того, что нет этикеток в форме шестиугольной звезды...

Конвейеры безостановочно увозили продолговатые пачки заготовок в смежные цеха. Трудящиеся цеха работали молча, сосредоточенно и, как чувствовалось, с полной отдачей ума, энергии, сознательности.

По стенам цеха и на стойках пролетов висели обычные лозунги о пиве, труде и их естественной, онтологической взаимосвязи.

В следующем цехе на заготовках печатались рисунки. Присутствовавший в числе гостей-путешественников фабрикант-полиграфист из Люксембурга несколько изумился такому техпроцессу: во всем мире при изготовлении продукции типа этикеток сначала накатывают на ленту рулона рисунок, и потом уже выштамповывают форму, а здесь? Но гид, не слушая бормотанья иностранца, увлеченно объяснял, что с помощью самого совершенного в мире полиграфического оборудования здесь и еще в двух десятках печатных цехов предприятия изготавливаются этикетки для трехсот восьмидесяти двух сортов карримардакского пива — лучшего пива в мире.

Как зачарованные, шли гости, переходя из цеха в цех, которые поражали громадой пролетов, машинами, деловой обстоятельностью, громадным объемом продукции. Уже в предпоследнем цехе, где гуммировались клеящими составами тыльные стороны этикеток, гид с гордостью объяснил, что на заводе занято сорок три тысячи работников. Но самое впечатляющее зрелище ждало их не в печатных и гуммировальных цехах, не в цехе подарочно-сувенирных изделий, где изготавливали этикетки из натуральной серебряной и золотой фольги с объемным тиснением и голографическими рисунками, нет, самое поразительное ждало посетителей на складе готовой продукции. Сам склад являл собою сборный алюминиевый ангар — чудо технической мысли, под шатром которого мог бы поместиться, как объяснил гид, целиковый город с населением в пятьдесят тысяч человек. Весь этот объем занимали пачки этикеток. Стеллажи растекались по всем сторонам, образуя улицы этого города, и уходили ввысь, под потолок, облаком летевший где-то на уровне натуральных грозовых облаков. Гид с гордостью заявил, что здесь находится восемнадцать с двадцатью нулями штук этикеток.

Поскольку многим гостям трудно было представить на слух эту цифру, то улыбающийся их провожатый нарисовал длинную цифру на бумажке, показал ее и пояснил, что этим числом этикеток можно миллионы раз обложить поверхность земного шара. У гостей закружились головы.

Тем временем Виктор Ильич стал свидетелем странной, диссонансной с общим трудовым ритмом завода сцены: бродя по улицам этикеточного города, разговорившись с неким путешественником-англичанином, с которым коротал время в судовом баре, он забрел с ним в дальний конец ангара, где находилась, как он понял, теплоцентраль завода. Каково же было их изумление и даже — о, этот, заразивший и их, общий энтузиазм! — негодование, когда он увидел, как рабочий хватал одну за другой пятидесятикилограммовые пачки этикеток и бросал на конвейер, а тот скидывал их в топку гудящей печи.

Англичанин, бывший профессором-филологом, за два дня успел немного освоиться с синтаксисом и словарем карримардакского языка, поэтому, составив фразу, спросил работника: что-де он делает с этикетками, которые вроде бы и не являются браком?

Тот хмуро пробурчал нечто, поразившее профессора настолько, что он записал фразу в книжечку и... но тут завывла сирена, из проходов выскочили несколько десятков одинаково одетых в штатское человек. Старший из них ловко выхватил книжку из рук профессора, извинившись на чистом лондонском диалекте, отыскал и вырвал нужную страницу с записью, заставил подписать того протокол о неразглашении под угрозой уголовной ответственности, приложил к голове Виктора Ильича электроды

тайственного приборчика, как понял тот — с помощью анализа биоритмов головного мозга штатский убедился, что пациент не запомнил ни единой фразы на незнакомом языке. После чего их вежливо, под руки отвели к основной группе экскурсантов. Оглянувшись мимолетно, Виктор Ильич увидел нечто, помутившее на время его рас- судок: вставший временно на рабочее место у конвейера, один из младших по званию штатских, вслед за очередной пачкой погрузил на движущуюся ленту прежнего рабо- тягу, и тот молча, не двигаясь, лишь закатив глаза, поехал в жерло печи...

Но и это было не все; когда они вернулись к группе, то гид уже сменился. Как шеп- нула Леночка, прежнего за несколько секунд до возвращения Виктора Ильича увели люди в штатском, и даже показала куда увели: по коридорчику, что вел к той же пе- чи...

Виктор Ильич побледнел и, перекосившись обычно добродушным лицом, шепнул в ответ подружке: «Молчи, дура!» Леночка было дернулась от незаслуженной обиды, но, увидев побледневшее, с расширенными глазами лицо морганатического своего супруга, о чем-то догадалась, скорее — почувствовала и только слегка, инстинктивно прижалась к нему в знак примирения и прощения.

Новый гид сбивчиво dokonчил объяснения и восхваления этикеточной промышлен- ности и быстренько вывел гостей с завода, благо наступило время пересменки.

В автобусах их повезли обедать в гостиницу. На этот раз прием пищи происходил в отдельно выделенной столовой зале; ели манную кашку — с голодухи и ее поели, какой-то салатик и все запили горьким чаем без сахара, скорее всего, чай был зеле- ным. Пива к разочарованию и недоумению путешественников, знаменитого пива, хотя бы одного из 382 сортов, не подали, а официанты на настойчивые просьбы пу- гались и скоренько убегали в служебку, притворяясь глухонемыми.

Остаток дня путешественники провели, гуляя во внутреннем скверике, смотрели в холле фильм о производстве пива в Карримардаке. Виктор Ильич все порывался уединиться с профессором-англичанином, чтобы все же выяснить: что ответил ему несчастный работяга, но как только он подходил к нему — тотчас, словно из-под земли, появлялся некто вежливый, брал его под руку и, одурманивая ласковыми объ- яснениями по части особенностей варения карримардакского имбирного пива, отво- дил в противоположный угол холла или сквера — смотря по тому, где дело происхо- дило.

♦ В таком насыщенном разнообразии прошла неделя в Карримардаке. Горе- путешественников возили по заводам пивного оборудования, собственно пивным фабрикам, мастерским варки «домашнего» пива для гурманов. Посетили они органи- зованно и концерт песни «Пиво-83», смотрели в Национальном театре Карримардака балет «Пивной эликсир» и слушали оперу «Сладкое пиво Шербурдана» (Шербур- дан — комический герой произведения). Именно из текста оперы изумленные путе- шественники узнали, что в Карримардаке проживают... до боли родные земные евреи; работают они преимущественно в банках, обслуживающих крупные пивные картели.

Пели гимн «Пиво превыше всего!» на вечере дружбы со студентами-пивоварами Карримардакского пивного университета имени Брыкдуша — легендарного основа- теля пивоварения на далекой звездной родине, духовного отца Матери Буфетчицы.

И за эти 188 часов все, что они видели (даже и во сне), слышали, обоняли — все го- ворило, кричало, пело, плясало о пиве, великом и счастливом Пиве Карримардака. О пиве и прекраснейших, утонченнейших закусках к нему. И не менее утонченнейшим издевательством казалось туристам поневоле то, что они за все время пребывания в этой стране не сделали ни глотка пива, а кормились — кто запасливый, тот из до- рожных припасов, а иные и манной кашей на воде. Поэтому Виктору Ильичу, съев- шему с Леночкой в перерывах между страстными объятиями — чем еще в Карримар-

даке заниматься? — все парижские остатки, пришлось-таки вызвать опекуна (хотя и дал ради спортивного интереса самому себе слово продержаться самостийно как можно дольше) и приказать набить холодильник качественной жратвой, да настрого приказал зашорить глаза шпионам из лакеев и горничных, как будто холодильника для них и не существует!

Однако в тот же день возвращенного изобилия, предвещавшего долгую ночь любви и изысканных закусок, добросердечная Леночка (русского человека, даже если это женщина, скупердяйская заграница не переименит!) позвала в номер десятков дружественных ей дам и скормила изголодавшимся все запасы, а что не скормила — разда-ла для бедных, сжевавших зубы на манке мужей подружек по несчастливому путе-шествию.

Тогда Виктор Ильич, отлучившийся на время пиршества с бесплодной целью отло-вить своего англичанина, снова вызвал шипшандлера* и дал указание превратить хо-лодильник в рог изобилия. «Всю команду приходится кормить!» — пояснил он рога-тому, подумавшему было с тревогой, что его протеже заболел обжорством.

...Их судно несло по запрограммированным волнам таинственного пивного моря-океана Карримардака, государства-мифа.

♦ Постепенно экипаж кораблекрушенцев по привычке к аскетически-речевой-гимновой жизни в государстве пивных людей. Нашлись и тихие радости. Дамы постарше вяза-ли в холле, беседовали о мужьях, детях, о дикости здешних людей и нравов. Леночка, ставшая дамой-патронессой (по причине холодильника) общества, блистала своим иностранным выговором, получая от новых подруг, среди которых многие были при-няты в дипломатических и светских кругах европейских столиц, восторженные по-хвалы.

Мужчины же отыскивали в одной из служебных комнат бильярд и дулись в американ-ку; до дам доносилось уютное, клубное, мужское и успокаивающее, вселяющее оп-тимизм: «Красного от борта! — Кар-р-рамболь!!» И так далее.

В углу той же комнаты играли по крупной в покер. Словом, все устроилось. Ощуще-ние у всех было такое, что находятся они в швейцарских Альпах, на горном курорте близ Давоса, однако сильным снегопадом их отрезало на неделю от внешнего мира. Несколько неудобно, но романтично-страшиновато, словом, уютно.

В десять вечера, отказавшись от манной тюри, все общество шло в номер наших дру-зей. Леночка на правах хозяйки и с помощью двух-трех дам-активисток накрывали стол, подоконники, телефонную полку — все, что было плоским и возвышалось над полом. Всюду были расставлены сервизные приборы, рюмки, фужеры. Гости весело кушали омаров, черепаховый суп, настоящий английский *beef-steak* (Виктор Ильич в последний визит рогатого заказал к рогу изобилия и микроволновую печь, только-только освоенную европейской промышленностью). Устрицы запивались «Клико». К хорошему привыкаешь быстро; на третий день совместных ужинов отдельные гур-маны уже привычно заказывали, рассеянно поглядывая на Виктора Ильича, на зав-трашний вечер блюда китайской, европейской и еврейской кухни.

После ужина все вновь спускались в холл; мужчины захватывали из номера Виктора Ильича свежие колоды карт, ликеры из Кюрасао, коньяк, кофе, свежее, но, увы, не карримардакское, а баварское, финское, американское и английское пиво. Магнито-фон фирмы «Филипп», сохранный с корабельных времен одной бельгийской па-рой, дополнял уют. Веселье заканчивалось далеко за полночь.

Не стоит и уточнять смышленому читателю, что рогатый вызывался еще раз — наве-сти шоры на глаза, уши, да и на мозги всей отельной шпионской прислуги с полови-ны десятого вечера до трех ночи.

* Торговец, снабжающий пищевыми припасами судно на стоянке в порту.

◆ Человек радостен и оптимистичен, как давно замечено, не в привычных роскошных и спокойных условиях жизни, нет, чаще в такой ситуации он впадает в хандру от каждодневного удовлетворения всех своих желаний. Но человек чувствует эйфорию, прилив жизненных сил, испытывает высшее наслаждение в жизни, когда он временно отстраняется от комфорта, но при неременном условии: это удаление от привычной жизни временно и не очень надолго. Именно поэтому так веселы и счастливы туристы, путешественники, командированные... да и космонавты-астронавты тоже.

Служивая же команда судна, исключая капитана, допущенного к обществу пассажиров, веселилась в своем кругу по-своему. Боцман исхитрился во время одной из фаб заводских экскурсий неприметно утащить метровую металлическую трубку и в полдня изготовил отличный самогонный аппарат. В качестве исходного продукта использовалась подслащенная манная каша. Веселая матросня сумела, обманув сверхбдительность шпионской отельной прислуги, привести откуда-то местных, карримардакских девушек, и веселье пошло не хуже чем у пассажирского салона. Самогон получался дьявольски крепким, табак в большом количестве был вынесен с родного судна, а девушки оказались очень покладистыми, умелыми в любовных делах и неистощимыми в интимных забавах. К тому же девушки приносили домашнюю закуску к самогону: котлеты и соленые огурцы. Заметим, что так никто из команды и не узнал, что девушки были агентами карримардакского разведывательного управления, специально и спешно обученные по методу Давиды Илоновой ремеслу проституток и стерилизованные, для предотвращения беременности, в обмен на орден и досрочную пенсию. И почет, само собой разумеется!

Идефикс Виктора Ильича не утихал, он все так же тщетно пытался добраться до филологического профессора и спросить: что ответил ему истопник на фабрике этикеток? Однако неизменно на пути вставал агент в партикулярном. Виктор Ильич продумывал различные варианты обойти агента; например, убедившись, что в холле или номере только свои, он закрывал на задвижки все двери, наглухо запирали форточки и направлялся к англичанину, но в тот же миг между ними вставал улыбчивый карримардакец, который по чистой случайности, как оказывалось, перед этим зашел в номер, но у него расшнуровался левый ботинок, и он, стесняясь заниматься туалетом при дамах, зашел за оконную портьеру... В версиях агенты были неистощимы. И никто из присутствующих не мог объяснить толково: откуда, как и каким образом он явился.

От волнения Виктор Ильич две ночи подряд не смог быть мужчиной. Леночка, избалованная ночным вниманием, несколько удивилась, но тотчас поумнела, успокоила своего морганатического супруга, однако испугавшийся Виктор Ильич вызвал того самого и потребовал эффективного возбудителя. Выпив таблеток пять, он обрел самого себя, но разговора с профессором не обрел. Дьявол же отказался наотрез помогать; жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше, земное, а эти чудачки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Ассахарит — его классовый враг.

Другая напасть с Виктором Ильичем приключилась: разболелся некогда пломбированный в родном городе зуб. Коренной. Разболелся так, что спать не давал полную ночь. К несчастью, никто из путешественников и команды (судовой подлекарь, как назло, перед рейсом сам заболел алкоголизмом и остался на берегу) не имел даже ветеринарной квалификации. Пришлось — хочешь не хочешь — обратиться к администратору гостиницы; на рогатого он обиделся: опять скажет, что не по его департаменту!

Радости отельного начальника пределов не было.

◆ Весело и счастливо улыбаясь, тот тотчас позвонил за консультацией прямо в мини-

стерство пивного здоровья. Инструктировали его с полчасика, а он только выкрикивал в трубку бесконечно-утвердительные «Да-да-да» — либо веско отрицательные «Нет-нет-нет!»

Затем уже администратор консультировал Виктора Ильича; тут же махнул рукой рассыльному и велел проводить гостя, куда тому следует согласно данной министерством директиве. О, сюрприз! — У подъезда их ожидала голубая медицинская машина. Едва они успели захлопнуть дверцы, как роскошный санитарный автомобиль с ревом sireны, презирая светофоры и вопли прохожих с отдавленными конечностями, помчался на скорости, близкой к космической.

Через пять минут город остался позади, машина вырвалась на обсаженную кактусами автостраду. В стремительной езде промелькнул час, далее другой. Автомобиль огибал по радиусам объездных дорог небольшие города и деревушки, климат теплел. «На юг!» — догадался Виктор Ильич. Но обратиться за разъяснениями было не к кому: улыбочивый рассыльный и санитар не понимали по-европейски, а шофер сидел за перегородкой.

От легкой и быстрой езды зуб несколько успокоился, а владелец его задремал. Проснулся, был вечер, значит, ехали более пяти часов. Машина въезжала в большой, расцвеченный огнями город, промчалась по его проспектам и улицам и, резко сдав скорость, подкатила к мраморному, окаймленному колоннадой дворцу. На вой автомобильной sireны из подъезда выбежали многие: два санитара с носилками, три медсестры и один медбрат, старший и младший стоматологи, восемь зубных фельдшеров, три хирурга, семь ординаторов и одиннадцать интернов, студенты-практиканты, заместитель директора по лечебной части (начмед по-нашему), представитель прессы. Все они хором прокричали:

— *Аварум эс-эччелениум бурхарбан иншаллы, тербердум дун, тоате Карримардакум цуром бешкарналлы!*

(Что означало: «Добро пожаловать, дорогой пациент, в Карримардакский Центр лечения зубов имени Пивной терапии!»).

Не успел Виктор Ильич ошарашено пробормотать о своей радости и благодарности, как уже был вознесен и помещен посередине сияющей стерильной белизной двухсветной хирургической залы. В окошках второго ряда виднелись лица пришедших на операцию адъюнктов военно-медицинских пивных академий. В самом же зале собрались неспешно облаченные в серые халаты, резиновые перчатки, хирургические сапожки, с масками на лицах ведущие профессора и ординаторы Центра лечения зубов. Медсестры быстренько готовили Виктора Ильича к операции: раздели, вымыли, попытались обрить наголо голову, но он запротестовал. Далее завернули в операционную простыню, уложили в каталку и подвезли к зубосверлильному аппарату. С другой стороны к аппарату подкатили обычный — только на роликах — канцелярский стол, накрытый зеленым сукном. На столе были разложены нужные бумаги, пишущий прибор, дыропробиватель, графин с водой и стакан, да ... еще перекидной календарь.

За стол уселся секретарь операции и тотчас застрочил прото... тьфу, историю болезни и описание процесса грядущего исцеления. Профессора сгрудился у стола, оживленно переговариваясь на своей карримардакской латыни. Через четверть часа к операционному креслу Виктора Ильича подвинули передвижную конторку с ручкой и листок пергамента. Помощник секретаря перевел содержание на европейский:

«Подписка:

Я, нижеподписавшийся (имярек — вписывается), обратился за неотложной медицинской помощью в ответственные за то органы Государства Восходящего Хмеля. Слава пиву! Слава пиву! Слава труженикам пивной промышленности!

Никто меня не принуждал к этому шагу; я добровольно отдал себя в руки медицинских пивных органов.

Мне выпала удивительно высокая честь подвергнуться сложнейшей операции в Карримардакском Центре лечения зубов имени Пивной терапии и всей оставшейся мне жизнью я буду стремиться оправдать это высочайшее доверие и любовь Карримардакского здравоохранения. Слава пиву и его доблестным производителям! Да здравствуют наши славные труженики пивной промышленности, элита класса-гегемона Государства Восходящего Хмеля!

Ура-ура-ур-рр-а-а-а!!!

(В этом месте чтение документа прервали, все профессора, санитарки, а за стеклами второго, верхнего ряда окон — адъюнкты и интерны исполнили Гимн лечебному медицинскому пиву:

Как пиво наше светлое в лечении...

...После чего чтение и синхронный перевод продолжился).

...Сознавая свой неукупаемый долг, я, со своей стороны, торжественно обязуюсь: стойко перенести операцию, не иметь — даже в потаенных мыслях — никаких претензий до, во время и в послеоперационный период, а также по поводу любых возможных отдаленных последствий.

Ни я, ни мои родственники не будем также иметь никаких претензий за возможный исход лечения, как-то: неизлечение зуба, потеря зуба, потеря всех зубов, нижней челюсти и челюсти верхней, паралич шейный и поясной, катарсис... Увы, карримардакская медицина, хотя и является самой высокоэффективной из всех мыслимых во Вселенной медицин, но природа создала наряду с живой плотью огромное число неразрешимых загадок.

Всю ответственность за всевозможные, допустимые и предполагаемые последствия я беру на себя, памятуя: никто меня сюда насильно не звал; я, лишь я и только я добровольно, безо всякого малейшего принуждения отдал себя и свое тело, и душу бессмертную в ласковые, заботливые и в меру (но — достаточную!) умелые руки карримардакских медиков.

Слава пиву! Слава преславной пивной медицине!

(Подпись)

(Отпечатки пальцев)

(Фонограмма звукового согласия в 3-х экз. прилагается)

(Дата, печать, свидетельские подписи).

Пока Виктора Ильича заканчивали готовить к операции, ведущие профессора допевали Гимн любимому пиву:

В славу, во славу нашему пивууу!

После чего хирурги и стоматологи ушли на консилиум (даже не открыв Виктору Ильичу рот), а пациента выкатили в коридор и поставили его каталку в общую очередь под номером триста шестнадцатым. Но поскольку он, опамятавшись, запротестовал, а главное — что был он иностранцем, ему пошли навстречу и сделали снотворный укол, от действия которого Виктор Ильич очнулся только на пятые сутки, когда подошла-таки его очередь.

♦ На слабые его протесты улыбающийся начмед (замдиректора по лечебному профилю) пояснил, что-де пиво любит демократию — и наоборот, а Карримардак есть

страна найдомократичнейшая, где никто не имеет привилегий... На этот раз его повезли не в роскошно-приемный протокольный зал, а в каморку с заплыванным окровавленными кусочками ваты древним зубодробильным агрегатом; такие в Европе использовали на заре электричества (до этого были с педальным механическим приводом). Рядом на колченогом сортирном табурете сидел небритый зубной фельдшер. Со страхом пересев в истертое кресло, Виктор Ильич уперся взглядом в плакат, занимавший целиком стену: «Помни: ты сам сюда пришел!» — И потерял сознание от слабости долгого наркотического сна и вонзившегося в дупло прохудившегося зуба ржавого сверла.

Его мучили с полчаса; короткие вспышки сознания чередовались с регулярными обмороками. В моменты прояснения фельдшер ловко подсовывал ему для подписи различные бумаги. Это были очередные, послеоперационные подписи о неответственности старика-фельдшера за: а) промывание полости рта; б) расчистку дупла зуба; в) зондирование дупла; г) предварительное рассверливание; д) сверление до первого болевого касания нерва; е, ё, ж... и так далее до ста тридцати пунктов (карримардакский алфавит состоит не из обычных букв, а из символов того, что мы называем фонемами и аллофонами, так что запас этих символов намного больше чем в европейских языках). Кроме того, ему подсовывали всевозможные воззвания в одобрение карримардакского пива и его непревзойденных вкусовых качеств, которого, кстати говоря, Виктор Ильич так ни разу в жизни и не попробовал. Последняя бумага, которую он подписал, была расписка о неразглашении под угрозой пожизненной каторги на каменоломнях Национального синдиката по изготовлению памятников и мемориалов Матери Буфетчице.

Через сорок минут операции Виктора Ильича в полуобморочном состоянии выкатили из каморки старого садиста и поместили в шоковую комнату реанимационного отделения. К вечеру температура поднялась до 40,2 градусов по Цельсию, начался бред. В бреду он продолжал давать подписи и подписки.

...Еще не известно: не появилась ли бы через сутки-другие на Центральном кладбище добровольных жертв Пивной медицины могилка с надгробьем в форме пивной посуды с эпитафией: «Эхли фергюррон ишша-алы терьерды!» («Спи спокойно, наш любимый гость-чужестранец!»), — если бы обидевшийся в отместку на обиду Виктора Ильича рогатый не испугался за купленную, то есть подотчетную в финансовом плане, душу (а души замученных насмерть, как известно, попадают исключительно в рай, где юрисдикция дьявола очень и очень ограничена, почти сведена на нет праведниками), и не вынес на себе почти бездыханное тело раба-господина своего.

◆ Безо всякой техники он доставил Виктора Ильича в гостиницу к полуобезумевшей от исчезновения морганатического супруга Леночке и встревоженной недельным отсутствием благодетеля, истощенной манной диетой сотне сотоварищей по несчас..., то есть по счастью пребывания в Стране Восходящего Хмеля. Только этот поступок рогатого и спас страдальца: его быстренько привели в нормальное состояние к великой радости дьявольских сил и огорчению райских праведников. Леночка сбила температуру патентованным, закупленным в Париже американским аспирином «Упса», напоила потомочегонным, поставила перцовые горчичники на пятки; через 12 часов глубокого сна Виктор Ильич проснулся абсолютно здоровым.

Зуб, заштукатуренный строительным карримардакским цементом для подводных сооружений, не беспокоил... его вырвал еще по прибытии в гостиницу боцман — мастер на все руки — простыми электромонтерскими пассатижами, простерилизованными в кипяченом манном самогоне. Анестезию же Виктору Ильичу сделала Леночка, влив в его рот полный стакан «Камю»; остаток почти литровой посуды был вручен «за услуги» боцману. Заметим, что чуть позже, когда оклемавшийся больной вызвал рогатого, тот установил в образовавшейся пустоте искусно сделанный «а ля

натюрель» протез.

Уже через два часа чудесно исцеленный со смехом вспоминал свою попытку обращения к карримардакской медицине, правда, согласно подписке не разглашая подробностей организации здешнего здравоохранения, с большим аппетитом глотал устрицы, запивая коллекционным новосветовским шампанским (не пробовавшие его ранее европейцы были поражены качеством напитка из «страны медведей и КГБ»): заставила морганатическая супруга на том основании, что-де, пока десна окончательно не зажила, нужно принимать калорийную, но нежевательную пищу, раз манная каша обрыдла...

Вечером в холле был большой прием по случаю исцеления Виктора Ильича; тезоименник оделся в смокинг лондонского пошива. В самый разгар веселья вошел посторонний — карримардаковец в пивном мундире спецкурьера и вручил герою дня большой синий конверт с печатями. Под расписку. Важность визита была такова, что курьер прошел в холл, преодолев барьер недопуска рогатого.

В пакете содержался лист белоснежной веленовой рифленой бумаги с золотыми карримардакскими орденами по верхнему полю и типографски набранным текстом, напоминавшим, что лечение Виктора Ильича произведено совершенно бесплатно, а поскольку медорганы теперь несут ответственность за послеоперационное состояние его здоровья, то он поставлен на диспансерный учет, раз в месяц в течение двадцати пяти лет должен являться — где бы он ни жил — на освидетельствование. В конце послания стоял оттиск-факсимиле министра здравоохранения Карримардака.

Самое интересное: такие пакеты стали приносить регулярно через каждые три часа днем и ночью; их вручали лично Виктору Ильичу во время экскурсий, ужина в холле, просовывались в щель под дверь в номер. Утром их вручал сонный портье. Понятно, что чудесно излеченный их более не вскрывал, но отделаться от их вида и присутствия было невозможно: бумага конвертов и самих грамот-посланий была пропитана несгораемым и несминаемым составом. Нельзя было их и разорвать, ибо бумажная масса была нанесена на основу в виде микроскопической титановой сетки. Леночка, хозяйственная женщина, складывала их стопами в стенной шкаф. На всякий случай.

◆ Уже в первый день по бегству из Центра зубодробления Виктор Ильич ощутил грозную атмосферу: на корабле назревал бунт. Пивопенная страна приелась; осточертели агитаторы таинственного, невидимого пива, вызывала тошноту манная каша. При этих словах — пиво и каша — даже у сдержанных и владеющих собою англичан проявлялся рвотный рефлекс. Все путешественники не ходили, а бродили, опустив глаза долу, дабы не видеть плакатов, лозунгов и транспарантов прославляющих пенный напиток. От пивных слов и видений у всех давно уже началось хроническое, как при заболеваниях поджелудочной железы, пересыхание горла и удушающая астма. Один из матросов команды сошел с ума и разбил боцмановым самогонным аппаратом головы трем пивным чиновникам, уверяя, что-де из них должно ручьем политься пиво сорта «Старый Карримардак». Беднягу увезли на воющей машине на вечные терзания и мучительную смерть на чужбине. Рогатый был бессилен помочь. Это стало последним удручающим аккордом.

◆ — Баста! — решительно сказал как-то поутру Виктор Ильич, увидев, что Леночка, с вечера жаловавшаяся на тоску карримардакской жизни, тихо плачет во сне, и вызвал тотчас исчадие ада. Тот было заканючил: подождите, дескать, немного, выждем момент, не хочу идти на явную конфронтацию с конкурирующими службами ада и пр., но Виктор Ильич сурово пригрозил разрывом контракта и велел немедля готовить судно в обратный путь.

Наступившей ночью рогатый самолично, переодетый карримардакским офицером, и четверо вызванных из преисподней помощников тайно отвезли на гостиничных экс-

курсиронных автобусах путешественников и команду в порт, посадили на пришивартованное к дальнему пирсу судно, а капитану рогатый передал карту с указанием коридора-бреши в окутывающем остров-государство экране. Судно также было починено умелыми помощниками рогатого.

Весело забегала команда, боцман на время протрезвел, пароход ожил, засветился огнями и через шесть часов осторожной ходьбы в экранированных прибрежных водах (рогатый нажил массу врагов в департаментах ада, но «вырубил» на это время все радары погранохраны в секторе следования судна) они плыли по спокойному *Ocean Atlanticum* вне пределов утомительного государства.

Так они думали, но лишь через час они окончательно избавились от неусыпного глаза Карримардака, что одновременно ознаменовалось последней и самой тягостной трагедией. Как только спала суета отъезда, Виктор Ильич разыскал на кормовой нижней палубе того самого...— увы! Где теперь его бедная душа пребывает: успокоилась в раю или томится в аду?...— того самого знатока английской, а теперь и карримардакской филологии, и поинтересовался: а что же все-таки сказал ему этот несчастный истопник на заводе пивных этикеток?

— А знаете, очень интересную вещь он сказал: «А на хрена они нужны, эти этикетки? Ведь последняя капля пива была произведена в Карримардаке еще две сотни лет тому назад... А за домашнее пивоварение нарушителя и всех его родственников до третьего поколения заживо в землю зары...»

Не успел бедняга-профессор договорить слово, как пал с неба коршуном карримардакец в плаще и, едва коснувшись ногами палубы, в упор изрешетил филолога длинной очередью из ручного пулемета. Следующей жертвой должен был быть Виктор Ильич, но спас его все тот же боцман, проходивший мимо по своим хлопотным делам: не размышляя долго, он выхватил из кармана комбинезона свои знаменитые зубоврачебные пассатижи и грохнул ими по башке агента летучей пивной охраны.

Через пару часов команда и пассажиры выстроились для траурной церемонии морского погребения: на судне, ввиду его каботажного характера, не было соответствующих размеров морозильника. Останки бедного профессора, зашитые в мешковину и утяжеленные личной физкультурной пудовой гирей капитана, пошло на дно; в это время акулы уже обглодали труп сброшенного боцманом в океан агента в штатском. Потрясенные трагическим событием пассажиры заснули тяжелым, но исцеляющим сном. Виктор же Ильич, как человек благородный и благодарный, прежде чем заснуть в объятиях счастливой Леночки, доделал дела совестьливые. Во-первых, он через юнгу переслал спасителю два ящика с раритетным виски «Старый Уокер», бочонок черной икры и метровой длины осетровый балык на закуску, две сотни коллекционных «гаван» и десять тысяч долларов наличкой. Вспомнив о пивной жажде карримардакских пленников, присовокупил и ящик портера. Через десять минут юнга возник перед Виктором Ильичом... с ящиком пива, доложил, что боцман благодарит за щедрость, явно не соответствующую такому пустяку — «подумаешь, чурку к акулам отправил... хватило бы и бутылки джина»,— а пиво возвращает, так как после карримардакского пивного издевательства этот напиток не льется в глотку: будь проклят этот Карримардак! — Такой радости в жизни лишил!

Пиво Виктор Ильич отдал просиявшему юнге; тот отнес его к себе и уже потом побегал доложить капитану, что боцман изволил уйти в запой.

Смерть профессора Виктор Ильич отчасти относил на свой счет, отчего чувствовал себя неуютно. Уточнив у старпома, составляющего официальный акт о смерти профессора, полное имя филолога, он отыскал в судовой библиотеке биографический словарь (*Dictionary of International Biography*), ежегодно издаваемый Международным Кембриджским биографическим центром, из которого с некоторым облегчением души узнал, что профессор — холостяк, как то часто бывает с людьми, полностью отдающими себя науке. Однако Виктор Ильич вызвал рогатого и, передав ему бу-

мажку с выписанным из Dictionary адресом Института классической филологии Королевского научного общества, попросил перевести «от неизвестного почитателя талантов профессора» пятизначную сумму в фунтах стерлингах для основания десяти именных стипендий памяти почившего гения классического языкознания. Дьявол, ворча о непроизводительном перерасходе авансовых сумм, не осмелился возражать опечаленному другу почившего профессора.

...Проснувшись наутро, пассажиры узрели яркое солнце, вдыхали бодрящий йодистый воздух океана; события последних трех недель показались им на этом радостном фоне неправдоподобным кошмаром. Навстречу шли и весело гудели в приветствии суда, к счастью, не под пивным, а под милыми сердцам пассажиров полосатыми, голубыми, звездчатыми, крестовыми флагами непивных государств.

Из камбуза неслись возбуждающие аппетит запахи жареного мяса, сохранившегося во время пленения в своей вакуумированной упаковке. Ушедший в запой боцман орал героические песни и саги, юнга опился дармовым пивом и блевал за борт.

Еще через несколько часов дамы восторженно закричали: «Земля! Земля!» Капитан дымил презентованной Виктором Ильичем «Большой короной» и поощрительно им кивнул: да, земля...

Однако, чем ближе судно подходило к лазурному гористому берегу земли, тем больше и больше улыбка на лице капитана переходила в выражение полного недоумения. Он часто справлялся в картах и лоции, подолгу смотрел на показания компаса, подзывал старпома, вахтенного начальника, даже велел срочно вытрезвить боцмана. Все четверо совещались, уже вместе смотрели на компас и в карты, с интересом рассматривали в бинокль берега надвигающейся земли, судя по всему — острова. Надо сказать, что еще до появления земли на горизонте внезапно и непонятно почему отказала радионавигация (радиосвязь, как мы помним, была испорчена еще в первую бурю).

Уже где-то в трех-четыре милих от берега слух сполз с капитанского мостика и промчался, вселяя тревогу, по пассажирской палубе: «Компас врет, а острова нет ни на одной карте!..» Пассажиры заволновались; был кем-то пущен встречный слух, что-де снова вышли на Карримардак, только с обратной его стороны. При слове «Карримардак» всем показалось, что, перебивая ядерный запах бифштексов, из камбуза понесло манной кашей и невещественным пивом...

♦ А навстречу судну уже мчался белоснежный патрульный катер. Как только он приблизился — с изумлением увидели воспрянувшие было духом пассажиры, рассмотрев, что люди в катере не носят треклятой пивной униформы, но тут же и духом упавшие, что борта легкой посуды раскрашены сценами из древней, преимущественно нордического типа, героической мифологии. Люди же одеты в строгие фиолетовые мундиры, каски с мифологическими же гривами: поверх вполне современных галифе, сапог и френчей с нашивками и медалями картинно вьются пурпурные плащи древних воинов.

Катер лихо подвернул под правый борт судна, а через минуту шлемоблещущий воин рангом постарше сотоварищей-фронтвиков приветствовал пассажиров и команду со счастливым прибытием в страну Хиндельбраант или, как она еще называется, — Государство Нации Браантского Народа (ГНБН).

И еще через четверть часа переговоров *tête-à-tête* капитана с нордическим офицером все находящиеся на палубе ахнули, а кое-кто и к обмороку приблизился. Оказывается, вместо благодатной Европы, ласковых островов Карибского моря, делового Лонг-Айленда Америки, танцующих берегов Западной Африки, винодарующей горы Тенерифе Канарских островов и т.п., словом, вместо родной западно-атлантической цивилизации несчастных вновь по дурацкой невезухе (Виктор Ильич даже на минуту засомневался: не рогатый ли разыгрывает одному ему ведомую карту?) протаранило

через иную брешь в магнитном экране-невидимке и протасило на остров тех самых идейных противников Карримардака, также переселившихся на Землю через пару лет после исхода пивных людей, ибо на родной планете случилась-таки война, после окончания которой планета раскололась на куски, а уцелело лишь по несколько десятков тысяч заранее эвакуированных в космос супротивников, в основном, из верхушек, военной аристократии, идеологов и ученых специалистов. Однако счастье повернулось лицом к мифологам: они атаковали и разнесли в пыль корабли противников, после чего улетели из непригодной для жизни зоны в Солнечную систему, на Землю и поселились, опутав его невидимым и непроницаемым для вещественных и полевых средств обнаружения экраном с пятидесятимильной зоной окрестного водного пространства. Отсюда и в истории Земли не одна, а целых две загадки Атлантики: Бермудский треугольник и Атлантида.

Судно же чудом прошло в специально оставленный — для проводки агентов-наблюдателей в земной мир — секретный проход типа лабиринта. До наших героев только один корабль, ладья викингов в конце X века, попала таким же образом на остров. Пришельцы подружились с браантцами на почве любви к войнам, истории и мифологии и вскоре ассимилировались в аристократической императорской семье Хиндельбраантов, усилив их мифологемы героическими сагами суровой Скандинавии.

— Из огня да в полымя,— враз подумали затосковавшие пассажиры, но тем временем судно уже входило в военный порт (других, невоенных, здесь и не существовало), скользя на буксире к пирсу мимо серых гигантов линейных кораблей и внушающих панический ужас своей полузатопленной крутобокой мощью атомных подводных ракетноносцев высшего класса дальности действия и ядерной вооруженности «Брокендаард — Бранд II», — как пояснил медноликий воин в боевых усах, оттопыренных по-кошачьи.

— Что-то будет?..

♦ Как и в идейно противоположном государстве Пивных Людей, в Хиндельбраанте путешественникам оказали гостеприимную встречу с пением национального гимна, с летучим экспресс-парадом гвардии гарнизона военного порта № 347, куда забрело несчастное судно, с артиллерийскими залповыми приветствиями. Затем, вручив капитану корабля символический ключ от страны, всех посадили в вагон поезда и по стратегической железной дороге № *B-51m* (буквы и цифры по сходству фонем мы примерно переводим на европейский) за шесть часов перевезли в Харбраант — столицу государства. Заметим, что, обладая страстной любовью к военному порядку, жители страны тотчас по прибытии на Землю сгладили по прямой линии собственно контуры острова, его заливов, русла течения рек, озер и лесов; только горы не удалось вписать в круги и прямоугольники, пришлось ограничиться эллипсами — все же правильная геометрическая фигура!

♦ ...Все эти часы поездки путешественники не отходили от окон. Чудеснейшие пейзажи предстали перед ними: ровная местность от побережья до Харбраанта была ухожена и опутана абсолютно гладкими бетонными двенадцатирядными автострадами. Между ними стояли в идеальном номерном порядке длинные низкие дома-бараки, оплетенные заборами из колючей проволоки, подвешенной на белых, как зубы молодых негрятенок, изоляторах высокого напряжения. Люди в одинаковых полосатых одеждах лили воду из пустого в порожнее, а по периметрам оград маршировали в бесконечно замкнутом цикле вооруженные до зубов воины в стальных касках с шишаками и пучками перьев.

По автострадам непрерывной чередой двигались колонны крытых армейских машин, танкетки, тяжелые и средние танки, самоходки; тягачи натужно тащили платформы

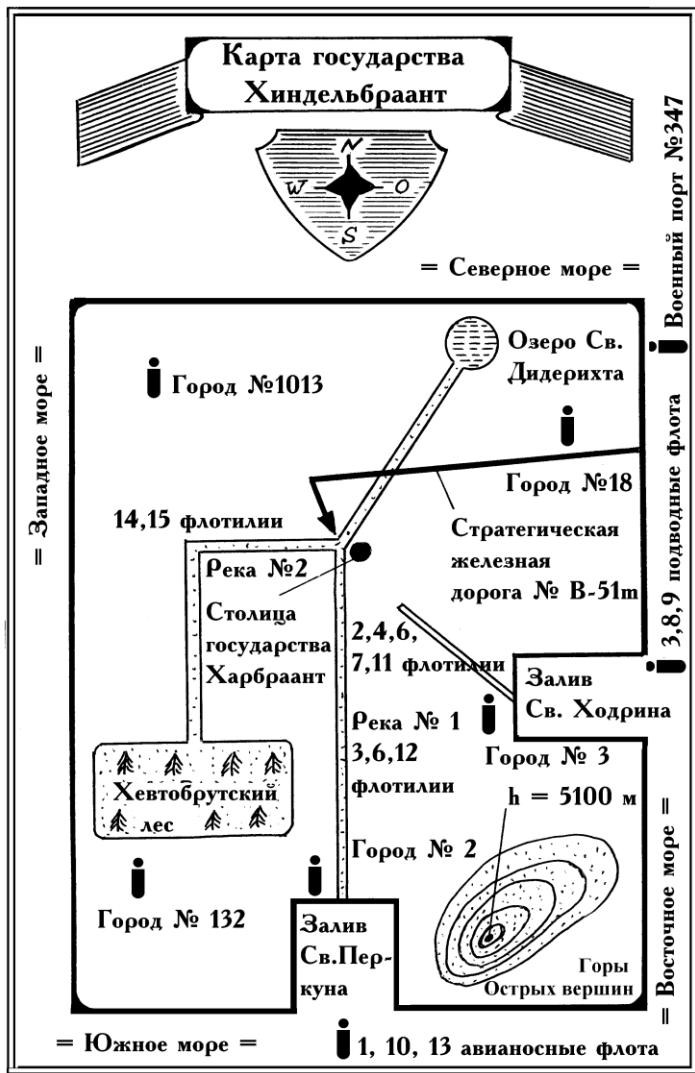
со стратегическими и — поменьше — оперативно-тактическими ракетами. В шахматном порядке, в узлах клеток со стороны-шагом, как на глазок определил Виктор Ильич, в два с половиной километра, расположились шахтные установки стратегических стационарных ракет. Воздух содрогался от звуков проносившихся на сверхзвуковой скорости истребителей и штурмовиков. С вершины неба слышалось монотонное гудение сверхдальних бомбардировщиков.

— Тихо и мирно течет обычная трудовая жизнь миролюбивого Хиндельбраанта, — ласково пояснял по вагонной трансляции приставленный к путешественникам военный гид-проводник.

— Ввввеее-еее-сьелооо-о! — вторили ему пикирующие штурмовики, очевидно, имитируя расстрел дорожных колонн вражеской техники и живой силы.

Путешественники интересовались у гида: что за люди в полосатых одеждах носят ведра с водой, а также что за законсервированные — ни дыма из высоких труб, ни огня, ни людей — огромные заводы, по виду металлургические комбинаты, расположены на равнине? Гид же весело отвечал, что люди в полосатых, модных в этом сезоне костюмах — невоенные жители страны; воду же они носят для гимнастических упражнений. А «заводы» — это резервации, лагеря для помещения военнопленных на случай возможной войны, которой, слава Богу, никогда не будет.

Все почему-то замолчали после такого ответа и внимательно начали всматриваться в огромные кирпичные трубы высотой до двух сотен метров. Виктора Ильича почему-то обуяла тоска и невольный страх. И всех других, как отметил он; Леночка впилась ему в плечо. Но поезд, отвернув влево от равнины, уже влетал на всех парах в Харбраант — город серых пятиэтажных домов. Звенели на низких героических нотах и аккордах модные в этом сезоне военные оркестры.

♦ Многая мудрость приносит многие печали; многие и обильные впечатления путешествия утомляют, пресыщают душу и глаза. Но куда бы в дальнейшей его жизни судьба скитальца по собственной воле не заносила Виктора Ильича — самым кошмарным видением и явью для него оставалась память о Хиндельбраанте — государстве военных людей, очень гостеприимной стране, едином военном лагере. Помнился грандиозный военный парад в честь гостей, устроенный в столице Харбраанте, когда перед потрясенными мирными путешественниками по огромной площади Великого Орла-воина отчеканили гусиный шаг миллион меднолицых воинов в квадратных сверхбатальонах 1000×1000 человек. Два миллиона кованых сапог одновременно врезались в гранит площади, заглушая звуки большого церемониального марша «Хиндельбраант царствует над всеми!»

Помнился прием военным президентом государства, исполнявшим заодно и обязанности (не предусмотренного конституцией) гражданского главы государства. После напыщенной церемонии гости возложили венки к подножию километровой высоты монумента — к памятнику легендарного основателя Хиндельбраанта Дюрхику-воителю.

*Легендарный родоначальник династии императоров
Хиндельбраанта*

(Гравюра с картины из областного Военно-исторического музея города № 132
государства Хиндельбраант)

Леночка в придворном женском мундире на малом военном параде, устроенном в честь гостей-путешественников в окрестностях города-санатория № 2

Далее следовали многочисленные ознакомительные поездки по стране. На севере их радушно встречал город № 1013 — построение военно-поселенческого типа. Нежились они на пляжах южного города № 2, города-санатория, битком набитого военными отпускниками, прибывшими сюда для поправки расстроенного в ратном труде бесконечных маневров и учений здоровья, а так как человек без мундира — это не военный вовсе человек, то им разрешалось — со скидкой на пляж — загорать, сняв галифе и сапоги; каски же и китель снятию не подлежали. Очень странно гляделись отдыхающие и купающиеся в полумундирах воины Хиндельбраанта!

В городе № 132 видели они поселение воинов-свиноводов; люди в мундирах работали на гигантских высокомеханизированных фермах-конвейерах, снабжавших беконом, ветчиной, окороками и холодцом все островное государство.

Наблюдали гости большое показательное учение-сражение между 5-ой и 14-ой флотилиями, что базировались при впадении реки № 2 в реку № 1 — величавую красу Хиндельбраанта, протянувшуюся своим расчищенным фарватером с севера на юг острова.

На реке № 3, впадающей в Восточное море, любовались с экскурсионных вертолетов на отработку смешанных речно-морских сражений: 2,4,7 и 11-я усиленные авиацией флотилии реки № 3 храбро и умело обороняли устье — на траверзе города-крепости № 3 — от вторжения 3, 8 и 9-го подводных флотов.

В горах Острых вершин путешественники с замиранием сердца смотрели, как группа военных альпинистов с невероятным риском для жизни взбирается по отвесной стороне на высочайший пик Государства (5100 метров над уровнем моря) для водружения бюста Дюрхику-воителю. На противоположном, западном берегу острова, в ле-

гендарном Хевтобрутском лесу Виктор Ильич, Леночка и остальные путешественники лично видели, как на их ошеломленных глазах сдвигались целые горы, поросшие хиндельбраантской сосной (лучший материал для ружейных лож), а в открывшихся провалах глубоких шахт маслянисто блистали корпуса огромных стратегических ракет; один такой прибор мог уничтожить весь гнусный Карримардак, — пояснил военный гид и продолжал, что-де таких ракет только на стартовых площадках Хевтобрутского военно-лесного округа восемь тысяч штук!

В конце концов, продемонстрировав все свое небывалое могущество, их миром — к удивлению крайнему! — отпустили восвояси после прощального банкета у милитер-президента, который многозначительно и не единожды говорил:

— Так расскажите у себя дома, что вы видели; мы люди мирные, но, как все убедились, сможем в случае чего постоять за себя! (Как уже потом сообразил Виктор Ильич, не видеть бы им всем свободы, если бы подозрительные жители военной страны не приняли их за шпионов Карримардака!?)

♦ Путешественников отвезли обратно в военный порт № 347, куда прибыл их корабль. Излишне и говорить, что они с трудом узнали свое мирное судно: щедрые хиндельбраантчани бескорыстно подремонтировали потрепанный волнами ковчег путешествующих не по своей воле. Теперь это был выкрашенный в серую («шаровую») военно-морскую эмаль броненосец. На случай встречи с гнусными карримардакскими лоханками на верхнюю палубу установили два орудия среднего калибра, лазерную пушку, три касетные установки тактических ракет класса «земля — воздух». Такие же установки были встроены в бортовые ниши-площадки. Под ватерлинией угадывались носовые и кормовые торпедные аппараты. Борты обшили бронеплитами и судно надежно скрыло большую часть своего тоннажа под водой.

Не узнали попервоначалу путешественники и команду судна, не взятую на экскурсию. Теперь перед ними выстроились в идеальную шеренгу по двое прошедшие ускоренные флотские курсы, подтянутые, обмундированные военные моряки.

Боцман, трезвый до безумия, просвистал команду: «Смир-р-р-на!» Моряки выстроились на юте, а капитан корвета отрапортовал признанному дуайену путешествующих Виктору Ильичу о своей готовности домчать их на скорости сорок узлов куда угодно. Поприветствовав своих подопечных, матросы лихо и деловито заносились по палубам и рубкам.

Виктор Ильич рапорт принял, одобрил внешний вид и выправку экипажа и приказал держать твердый курс на Европу. Пассажиры разошлись по военизированным своим каютам, а броненосец, разведав пары, под салют портовой артиллерии покинул военно-гостеприимный остров. Снова в океан!

Виктору Ильичу почему-то пришло на ум из писания: *«Потому сказываю вам, что отнимается от вас царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его».*